

Г. Л. Косенков, Е. Ю. Колбовский

Периодизация и реконструкция истории освоения территории национального парка «Смоленское Поозерье» для целей типологии культурного ландшафта

Проведена периодизация истории освоения территории национального парка «Смоленское Поозерье», изложены теоретические подходы к типологии культурного ландшафта как основного предмета охраны.

Ключевые слова: культурный ландшафт, освоение территории, хронотопы.

G. L. Kosenkov, E. Ju. Kolbovsky

Periodization and Reconstruction of Historical Development of the Territory of the National Park “Smolensk Lakeland” for Typology of the Cultural Landscape

The periodization of historical development of the territory of the national park “Smolensk Lakeland” is carried out, theoretical approaches to typology of the cultural landscape as a main subject of protection are stated.

Keywords: cultural landscape, territory development, chronotopes.

Постановка задачи

Национальный парк «Смоленское Поозерье», уникальная территория, чрезвычайная насыщенность которой объектами историко-культурного наследия позволяет проследить периодизацию освоения, провести реконструкцию культурного ландшафта (КЛ) в прошлом и его типологию в настоящем.

Освоение любой территории – сложный и во многом противоречивый процесс, контролируемый как природными, так и социальными факторами. Россия и ее необъятные просторы не составляют в этом смысле исключения: такие масштабные исторические явления, как первичное заселение территории и распашка земель, внутренняя колонизация и становление русской государственности происходили на фоне непрерывно меняющихся природных условий, которые то благоприятствовали этим явлениям, то, наоборот, тормозили их развитие, иногда поворачивая вспять сам процесс освоения [1].

Анализ результатов более чем векового изучения памятников археологии, выявленных в «Смоленском Поозерье», их датировок, дает возможность выделить следующие основные хронологические этапы истории заселения этого региона в древности и средневековье:

-мезолит: IX–VI тыс. до н. э.;

-неолит: V тыс. до н. э. – конец III – начало II тыс. до н. э. – верхнеднепровская неолитическая культура с включением культур племен гребенчато-ямочной керамики, гребенчато-накольчатой керамики, узменьской и др.; конец III – начало II тыс. до н. э. – племена культур «шнуровой керамики и боевых топоров»;

-бронзовый век: начало II тыс. до н. э. – начало I тыс. до н. э. – племена среднеднепровской культуры, сосницкие племена эпохи поздней бронзы;

-железный век: начало I тыс. до н. э. – II–IV вв. н. э. – племена днепро-двинской культуры; II–IV вв. н. э. – племена зарубинецкой культуры; середина I тыс. н. э. – VII–VIII вв. н. э. – племена тушемлинской культуры;

-раннее средневековье: VII–VIII вв. н. э. – начало X в. н. э. – племена смоленских длинных курганов; 2 половина IX–X вв. – XIII в. – славянские племена (древнерусская культура);

Памятники XIV–XVII вв. в Поозерье, равно как и во всей Смоленской области, выявлены и изучены далеко не достаточно. Культурные слои этого времени зафиксированы в ряде городов и поселений, но относительно полно исследованы лишь в Смоленске. Остатки сел и деревень этого периода обнаружены в единичных случаях и раскопкам практически не подвергались. Поэто-

му реконструкция освоения территории в такие этапы, как

-**позднее средневековье:** XIV–XVII вв.;

-**XVIII–XIX вв.;**

-**первая половина – середина XX в.**

была проведена на основании картографического и библиографического материалов.

В основу исследования вышеуказанных этапов легли военно-топографические карты Александра Ивановича Менде (полуинструментальная съемка середины XIX в.) на территорию Смоленской губернии, «Российской Атласъ изъ 43 картъ состоящей на 41 Губернію Имперію разделяющей» (СПб., 1800), «Подробный Атласъ Россійской Имперіи съ планами главныхъ городовъ» (СПб., 1871), план генерального межевания Смоленской губернии 1792–1712 гг., карты РККА, ВИСХАГИ, карты-планы лесонасаждений лесничеств Слободского лесхоза по лесоустройству 1948–1949 и 1958 гг., а также некартографические исторические документы, такие как «Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи археографическою экспедиціею Императорской Академіи наукъ».

Культурный ландшафт как палимпсест

Культурный ландшафт – *историческое пространство*, выражающее формы существования различных пространственно-временных отношений, так называемых «хронотопов» (термин введен исследователем древнеримской культуры Г. С. Кнаббе). В рамках разных хронотопов формировались совершенно различные *пространственные модели освоения*, которые, в свою очередь, вызывали к жизни и разные *типы* КЛ.

С позиций теории КЛ перечисленные исторические эпохи можно рассматривать как «хронотопы», каждый из которых формировал специфические ареалы в пространственной мозаике освоения. В этом смысле современный КЛ – своего рода палимпсест, несущий в своей ткани черты, унаследованные от следующих этапов:

-этап освоения приречных долин и приозерных котловин;

-этап активного транспортно-городского освоения;

-этап внешней экспансии трансформации, приведшей к обособлению хозяйственной замкнутости при экстенсивном освоении водораздельных пространств;

-этап сельскохозяйственного окраинно-пограничного освоения;

-этап окраинно-торгового освоения;

- этап активного разрушения сложившегося культурного ландшафта и вторичного переосвоения территорий;

- этап сплошного общинно-помещичьего сельскохозяйственного и промышленно-мануфактурного освоения;

- этап промышленного, ремесленно-промыслового и сельскохозяйственного мелкокрестьянского освоения территории;

- этап аграрно-индустриального развития хозяйства с унифицированным подходом к природопользованию и разрушением элементов прошлых КЛ.

Ранние этапы становления КЛ

Самые ранние следы человеческой деятельности в Поозерье относятся к среднему каменному веку – мезолиту. Хотя в настоящее время в парке не обнаружено мезолитических стоянок, отдельные находки позволяют предположить, что в эпоху среднего каменного века его территория была уже достаточно хорошо освоена. Подтверждением этому являются отдельные кремниевые изделия, найденные на берегах озера Щучье и реки Должица. На «стоянке у деревни Мочуры» обнаружены наконечники стрел и дротиков, скребки, ножи и т. п. мезолитического облика (наконечники стрел – на пластинах с частичной подработкой односторонней ретушью пера и черешка, пластины с ретушью, вкладыши для составных орудий, грубо оббитые тесловидные и топоровидные орудия).

В неолите климат был более теплым и влажным, чем современный. Появились широколиственные леса с примесью ели, а на песчаных почвах – сосны.

Этот период на территории парка характеризуется появлением прочной оседлости и существенным ростом населения по сравнению с предыдущей эпохой. Новые приемы охоты с использованием разного рода ловушек, а также совершенствование стрельбы из лука, изобретение лодки и умение плести сети из растительного волокна приводят к дальнейшей интенсификации охоты и доминированию в хозяйстве рыболовства, а благоприятные природные условия – появлению скотоводства и земледелия. Возникает ткачество, развивается домостроительство, транспортные средства (лодки, лыжи).

Территория Поозерья уже довольно густо заселена племенами, которые современные исследователи отождествляют с различными археологическими культурами, часто объединяемыми в

верхнеднепровскую неолитическую. Об этом свидетельствуют многочисленные стоянки, показывающие значительный рост населения, занимающие порой довольно большую площадь и рассредоточенные по берегам рек и озер: на краях надпойменных террас и всхолмлениях в поймах (озера: Баклановское, Ельшанское, Дго, Сапшо и др.; реки: Ельша, Должица, Велейка, Половка).

Начало неолита связывают также со временем изобретения глиняной посуды, конец – с возникновением металлургии. Верхнеднепровская неолитическая культура представлена на территории Поозерья как ранним своим этапом (стоянка у деревни Бакланово), так и поздним (стоянка у деревни Побоище). Известные стоянки можно датировать IV и III тыс. до н. э. Особенности форм глиняной посуды и ее орнаментации, вещевой комплекс позволяют считать, что местное неолитическое население было родственно племенам Валдайской возвышенности и входило в большую культурную общность племен ямочно-гребенчатой керамики лесной зоны, занимавших пространство от Карелии и Прибалтики до Урала и относящихся к племенам финно-угорской языковой группы.

Около VIII в. до н. э. местное население из племен днепро-двинской культуры освоило способы получения железа из болотных руд и перешло к оседлой жизни. Начался ранний железный век, совпавший по времени с формированием климата, практически не отличающегося от современного. Границы ландшафтных зон и подзон лесной зоны заняли в то время свое нынешнее положение.

Основу хозяйства племен днепро-двинской культуры составляли животноводство и земледелие. Разводили крупный рогатый скот, овец, коз, лошадей и свиней, костные остатки которых найдены при раскопках (городища близ дд. Холм, Старый Двор, Синяки).

Постепенно новые виды природопользования привели к значительному увеличению производительности труда, накоплению излишков, которые необходимо было защищать от посягательств извне. Во многих местах современной территории парка на мысах коренного берега (при слиянии двух оврагов или при впадении ручьев и речек в реки) и высоких речных террас, на всхолмлениях в поймах и по берегам рек и водоемов возникли укрепленные поселения – городища (река Половья, озера: Ржавец, Сапшо, Демьян, Чистик, Баклановское и др.). Размеща-

лись городища поодиночке или группами (гнездами) по 3–5 и более, что отражало социальную структуру развитого патриархата, где основной ячейкой была большая семья в 40–60 человек, которые проживали на одном городище.

Площадь городищ раннего железного века обычно составляла от 500 до 2 000 м² и более, поздних – от 2000 до 10 000 м² и более. С напольной стороны они были защищены одним или несколькими земляными валами с глубоким рвом (городища у деревень Рубеж, Холм, Старый Двор, Синяки и др.). Иногда эти укрепления опоясывали весь периметр городища. На валах дополнительно устанавливался бревенчатый часток столбовой конструкции.

Жилые и хозяйственные постройки на городищах днепро-двинской культуры представляли собой так называемые «длинные дома», которые разделялись на несколько жилых секций, их стены складывались из нетолстых бревен, положенных горизонтально и зажимавшихся двумя вертикальными столбами или вставлявшихся в пазы толстых вертикально стоящих столбов.

Население тушемлинской культуры, сменившее своих предшественников – днепро-двинские племена, – переходит жить в неукрепленные поселки – селища типа современных деревень (селище – 2 Аносинки, поселение Подосинки, селище Шугайлово, поселение Ерилово и др.). Основой хозяйства становится земледелие при некоторой доле животноводства.

Расширился перечень возделываемых культур: пшеница, ячмень, рожь, овес, просо, бобовые, и, соответственно, усовершенствовались орудия труда: серп, зернотерка (жернова), была изобретена коса.

Селища занимают обычно пологие склоны надпойменных террас и невысокие останцы в поймах рек и по берегам озер (Сапшо, Дго, Мутное и др.). Застройка селищ была прибрежно-рядовой или кучевой. Все сооружения представляли собой наземные столбовой конструкции четырехугольные жилые дома, поблизости от которых находились хозяйственные и производственные сооружения.

В качестве убежищ использовались городища, сооруженные в раннем железном веке, либо вновь построенные, топографическое положение которых не отличалось от более ранних (городище у деревни Булохи).

Большинство современных исследователей относит группу тушемлинских племен к населе-

нию, говорившему в то время на диалектах балтийской языковой семьи.

На рубеже VII–VIII вв. н. э. в материальной культуре Смоленщины происходят серьезные изменения: модифицируются керамические формы, известные по раскопкам поселений и могильников, распространяются новые виды орнаментации посуды, появляются неизвестные ранее типы женских украшений. Жизнь в большинстве поселений тушемлинских племен прекращается. Часть из них население покидает полностью (дд. Мочары, Сокоарево и др.), заселенность других заметно сокращается. Есть основания считать, что в начале VIII века произошли значительные перемещения племен в Верхнем Подвинье и Поднепровье: уход в более южные районы Верхнего Поднепровья населения тушемлинской культуры и одновременное продвижение вверх по Западной Двине с запада какой-то группы населения балтов, а с юго-востока вверх по Десне – славянского населения так называемой роменской археологической культуры. Появляется и становится господствующим обычай погребать умерших в курганах – коллективных усыпальницах периода окончательного распада родового строя. Их оригинальная форма дает название новой археологической культуре – «культура смоленских длинных курганов».

Курганные могильники в большинстве случаев располагаются поблизости от рек или озер, недалеко от одновременных селищ, на пологих склонах надпойменных террас или в поймах, и включают в среднем 15–20, иногда до 40 насыпей. Их высота 1,0–1,5 м, ширина 6–7 м, длина не более 25–30 м. Они насыпались постепенно, насыпь удлинялась по мере увеличения количества захоронений. Число погребенных в таких курганах колеблется от 2 до 7.

Таким образом, анализ ранних этапов формирования КЛ на территории национального парка «Смоленское Поозерье» позволяет сделать следующие выводы. Для каждой волны освоения была характерна своя мозаика соотношения освоенных и девственных участков. Ареалы пика освоения (фазы территориальной экспансии), принадлежащие к разным волнам, не вполне совпадали между собой в пространстве, как не совпадали между собой и «съезжившиеся» ареалы периодов природных катастроф, геополитических кризисов и хозяйственного упадка. Это несовпадение закономерно и определяется, во-первых, флуктуациями климата и соответствующей естественной трансформацией ландшафтов, во-

вторых, совершенствованием «техники» (методов, орудий и способов) хозяйства, в-третьих (но не в последних), своеобразием культурной, геополитической и экономической обстановки каждой очередной волны освоения, иными словами, своеобразием хронотопа.

В силу этих же причин всякая последующая волна освоения, с одной стороны, размывала предыдущий рисунок соотношения освоенных и нетронутых участков, с другой стороны, наследовала отдельные, наиболее устойчивые элементы этого рисунка. Так, однажды найденные, «нащупанные» в ландшафте места уже не выпадали из зоны человеческого внимания, поскольку обладали целым рядом «полезностей», были красивы и (или) удобны.

Становление культурного ландшафта

Во 2 половине IX–X вв. на Смоленщине в результате сложных процессов на многоэтнической основе формируется группа племен, получивших в летописях название кривичей. К концу X в. она окончательно ассимилируется, и устанавливается типичная культура древнерусского времени. Памятники кривичей на территории Поозерья представлены селищами, городищами и курганными могильниками у деревни Шугайлово, поселка Пржевальское и в других местах.

С этого времени начинается новый важный и наиболее полно освещенный источниками период в истории Смоленского края, продолжавшийся до XIII в.

Почти все селища рассматриваемого периода располагаются по берегам рек и озер, занимая преимущественно надпойменные террасы и всхолмления в поймах.

Согласно проведенным исследованиям, селища, датируемые IX–X вв., обычно крупные по размерам, на Смоленщине немногочисленны, в то время как относящиеся к X–XIII вв., часто представленные одновременно как крупными, так и небольшими по размеру (от 2000 до 5000 кв. м), встречаются гораздо чаще. В XIV–XV вв. особо крупные селища исчезают, остатки небольших поселений преобладают, что связано, вероятно, с индивидуализацией сельского труда и завершением формирования парцеллярного крестьянского хозяйства. Фиксируются различные виды застройки: прибрежно-рядовая – линейная, угловая и нуклеарная с преобладанием линейной [3].

Окончательное разложение родо-племенных и переход к новым феодальным отношениям, свя-

занные с развитием ремесла и отделением его от сельского хозяйства, расширением обмена и связью с другими группами населения, в том числе и с заморскими странами, завершение перехода от подсечно-огневой системы земледелия и перелюга к трехполью с использованием пахотных орудий с железными наконечниками привели к резкому увеличению производительности труда и накоплению излишков. В местах высокой концентрации населения и на торговых путях стали возникать торгово-ремесленные поселки и города. Их выгодное географическое положение на «пути из варяг в греки» позволяло местному населению заниматься работами по перевозке товаров, перетаскиванию судов и торговле на водоразделе с Византией, западными странами и мусульманским Востоком.

Один из ключевых центров Смоленского княжества XI–XIII вв. – древнерусский город Вержавск, упомянутый в Уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича около 1136 г. и в грамоте «О погородье и почестье» 1211–1218 гг. как центр крупнейшей в Смоленском княжестве волости Вержавляне Великие, существовал на территории национального парка «Смоленское Поозерье» с XI по XVII вв.

Процветание города – центра сельскохозяйственной общины, включавшей 9 погостов (крупных населенных центров, подчиненных Вержавску), как уже упоминалось, было связано с тем, что расположен он был на одном из главных торговых путей, проходившем через озера и реки Смоленщины, – пути «из варяг в греки».

Постепенно ядро этнической принадлежности местного населения составили русские, проживавшие в пределах Смоленской и соседних земель, на основе которых в XIV–XV вв. стало складываться и развиваться централизованное Русское государство.

Тем не менее 110 лет нахождения Смоленской земли в составе Великого княжества Литовского (1404–1514 гг.) и вхождение ее в XVII в. в состав Речи Посполитой обусловили наличие здесь значительного количества поляков, которые остались жить в этих краях и после присоединения города Смоленска к России в 1654 году. А вариант замужества за смоленскими и российскими дворянами представлялся одним из условий сохранения земель, принадлежавших вдовам польских шляхтичей. Кроме того, многие годы через здешние края проходила граница с польско-литовскими владениями, совпадающая по своей конфигурации с современной границей Демидовского и Велижского районов.

В 1608–1610 гг. северо-западная территория Поозерья была обустроена засеками против вражеской конницы. Топонимика Поозерья до сих пор сохранила такие названия, как Рубеж Русский, Рубеж Польский (местонахождение пограничных застав), Копанево (место вырытых земляных оборонительных укреплений), Шиши (место, где обосновались повстанцы), Побоище (место, где в 1609 г. произошло сражение русского и польского отрядов).

Осевшие на местных землях Огонь-Догановские, Повало-Швейковские, Друцко-Соколинские, Рачинские, Глинки стали владельцами богатых поместий и окрестных земель. Роды их были весьма плодовитыми, и межевание земель, учиненное в конце уже XVIII века, все еще указывает на их происхождение как смоленской шляхты.

Сельское хозяйство XVII–XVIII вв. носило интенсивный характер, крестьянами активно внедрялось и становилось доминирующим трехпольное зерновое земледелие с использованием однолетних паров и навозного удобрения. Основными культурами по-прежнему оставались рожь и овес, чаще стали сеять лен, гречиху, коноплю. Однако в связи с общим похолоданием климата урожаи были неустойчивыми (вторая половина XVII в.). В качестве тягловой силы использовали лошадей. Как правило, в хозяйстве крестьянина, кроме лошадей, имелись коровы, свиньи, реже овцы и козы.

С конца XVII века на территории Поозерья получают распространение огородничество и садоводство. К середине XIX в. они носят большей частью потребительский характер, но присутствуют не только в деревнях, но и в уездных городах. В Поречье, например, развивалось товарное огородничество: были выведены и культивировались ценные сорта огородных культур – огурцов, табака и др. Повсеместно высаживаются плодовые сады, которые ранее были характерны лишь для помещичьих хозяйств.

Местные крестьяне специализируются на изготовлении «лесных товаров»: бруса, досок, клепок, мачт.

Во второй половине XVIII в. продукты сельского хозяйства уже производились на продажу. С поречской пристани ежегодно уходило до 350 судов с грузами по девять-десять пудов в каждом. Началась промышленная вырубка леса для отправки за границу, продолжавшаяся в течение

XIX века: бревна гнали по рекам до Западной Двины в Ригу и далее.

Земледелие по-прежнему продолжало оставаться основным занятием большей части населения. Крестьянские земли находились в пользовании крестьянской общины. Наиболее распространенной была соседская поземельная община с подушным (по наличным мужским душам) распределением земли с периодическими переделами, с самостоятельной разверсткой платежей и повинностей между ее членами. Разложение общины в связи с бурным развитием капитализма после отмены крепостного права сказалось на распространении подворного землевладения внутри и вне общины, в концентрации общинных земель в руках кулаков. Наиболее распространенной была паровая зерновая система земледелия, сформировавшаяся еще в феодальной Руси. Она была хорошо приспособлена к местному климату и условиям ведения натурального хозяйства. Но, наряду с паровой системой, еще долгое время применялась и древняя подсеčno-огневая, когда в лесу с помощью огня и топора очищались от деревьев и кустарников участки для посева зерновых.

Упорядочение и планирование застройки сельских поселений начинается с конца XIX века, несмотря на указы, издававшиеся уже в XVIII веке. Редкие и малодворные селения края обычно располагались небольшими гнездами в наиболее удобных для земледелия долинах по берегам рек и озер, либо вдоль дорог и в лесу (так называемые чистики, починки и др.), среди небольших участков возделываемой земли, отвоеванных у природы. Преобладала планировка рядовая, с ориентировкой домов на реку, озеро, дорогу, позднее – линейная, уличная. В некоторых наиболее старинных селениях иногда прослеживались следы древней круговой планировки. Получившие статус села при наличии храма населенные пункты часто ничем не отличались от прочих, имевших статус деревни.

Структура сельских поселений отражала характер хозяйственных занятий населения и его социальной организации. Они, как правило, слагались из крестьянских усадеб, ведущих индивидуальное хозяйство, но объединенных общинным землевладением. Производственные постройки, связанные с земледелием, животноводством, ремеслом, находившиеся в индивидуальном владении, располагались рядом с жильем (во дворе или за двором). Бани ставили ближе к во-

де. Мельницы сооружались на окраине или вне селения [2].

Большие поселения имели общественный центр, располагавшийся у церкви и включавший в себя основные образующие. Здесь же, обычно на площади, проводились ярмарки.

При ярко выраженном процессе классовой дифференциации в поселениях появлялись на самом красивом месте отдельно стоящие помещичьи усадьбы с большим барским домом, служебными постройками, окруженные парковыми посадками (Покровское, Рибшево и др.).

Таким образом, культурный ландшафт – *социальное пространство*, в котором физически объективированы линии и узлы социального поля. Напряженность этого поля функционирует одновременно и как принцип дифференциации (членения) пространства, и как принцип видения, то есть как категория восприятия и оценивания (ментальная структура). Исторически всякое освоение предполагало, прежде всего, *присвоение* и уже затем *структурирование*, поэтому, будучи освоенным, ландшафт запечатлевает в себе «немые» реалии социального порядка. И любые элементы КЛ: особняки дворянских усадеб, крестьянские огороды, княжеские зверинцы, охотничьи «пути» и «заколы» на реках и т. д. – служат «вещественными доказательствами» подобного запечатлевания матрицы социального устройства.

Культурный ландшафт – национальный (этнически укорененный) ландшафт, поскольку содержит воплощение признанных этносом ценностей – всего того, что делает КЛ «вторым домом», или, по замечательному выражению Ф. Разумовского – «ландшафтным продолжением личности народа». Отсюда сформулированные Л. Н. Гумилевым и его последователями историко-этнографические представления о вмещающем ландшафте.

В настоящее время в национальном парке «Смоленское Поозерье» представлены все категории культурного ландшафта: рукотворные, эволюционировавшие и ассоциативные. Причем достаточно сложно определить долю их соотношения, так как данная территория на протяжении долгого времени притягивала различные этнокультурные группы, оставившие следы своего пребывания в виде мощных пластов историко-культурного наследия. Благодаря своей эстетической привлекательности Поозерье являлось местом вдохновения для многочисленных поэтов и художников, а также отдохновения великого

путешественника Н. М. Пржевальского. В парке сохранились и небольшие участки реликтового ландшафта. По историческим функциям преобладают сельскохозяйственные, белигеративные, заповедные, сакральные и промысловые ландшафты. По функциональным особенностям доминируют деградировавшие аграрные ландшаф-

ты и рекреационные, хотя имеют место быть и другие, например, музейные. По культурному типу можно с уверенностью упомянуть крестьянский, дачный, городской, усадебный с фрагментами дворцово-паркового культурные ландшафты.

Библиографический список

1. Колбовский, Е. Ю. История и экология ландшафтов Ярославского Поволжья [Текст] / Е. Ю. Колбовский. – Ярославль : ЯГПУ, 1993. – 117 с.

2. Колбовский, Е. Ю. Ландшафтное планирование [Текст] / Е. Ю. Колбовский. – М. : Академия : 2008. – 336 с.

3. Медовикова, У. А., Колбовский, Е. Ю. Населенные пункты в составе культурного ландшафта российского Севера: планировка, типология и эволюция [Текст] / У. А. Медовикова, Е. Ю. Колбовский // Ярославский педагогический вестник. Естественные науки. – 2012 – Том III, № 1. – С. 162–168